

Остаток недели прошел для друзей в относительном спокойствии. Гарри шел на второй в неделе урок зельеварения и задавался вопросом, чем обусловлено отношение Снейпа к Флер — тем, что до учителя добрался директор или это всего лишь небольшая отсрочка. К счастью, случилось первое, и кроме нескольких взглядов Снейп к Гарри не приставал, фактически, он почти ничего не говорил вне его обычных инструкций. Это, конечно, порадовало всех гриффиндорцев, хотя улыбки Невилла и Гарри наверняка были самыми широкими в классе.

Флер и Гарри получили от ее отца в пятницу письмо в котором спрашивалось, как прошла их первая неделя в школе, однако между строк они оба могли читать, что речь идет о конкретных профессорах в частности. Флер ответила большей частью положительно, что Амбридж попыталась заманить Гарри в ловушку, но так как он держал себя в руках, ничего не вышло, а Снейп к тому времени перестал быть проблемой.

В письме Жана-Себастьяна, однако, его разочарование Фаджем, ничего не делавшим относительно возрождения Волдеморта, явно читалось. Группа следила за Пророком достаточно пристально, чтобы знать, что министр настаивает на отрицании возвращения Темного Лорда, полностью отказываясь слушать любого, кто пробует сказать ему противное. Как результат, набор и тренировка авроров продолжают теми же неадекватными темпами, а министерские силы значительно отстают в сравнении с Пожирателями Смерти, которые, без сомнений, не пренебрегают обучением своих войск. Хотя он не говорил об этом напрямую, Флер подозревала, что ее отец более или менее длительно контактировал с Дамблдором по поводу этой ситуации, но его собственная должность посла не оставляла ему способа давления на Фаджа, хотя он и хотел бы.

Следует заметить, что Амбридж видели разговаривающей с некоторыми из наиболее оголтелых слизеринцев, среди которых, что было совершенно неудивительно, центральную позицию занимал Малфой. Даже после длительных дискуссий, ребята могли только предположить, что она намерена познакомиться и предложить награды за информацию и сотрудничество. Пока из этого ничего ещё не вышло, но Гарри беспокоился, что, по какой бы причине она ни выказывала милость слизеринцам, Амбридж однозначно готовила какие-то планы на будущее. Интересно, однако, было то, что, хотя многие ожидали, что Снейп согласится с Амбридж в принципе, реальность оказалась полной противоположностью — он избегал её так, как будто она была носителем опасной болезни, и, когда разговор был неизбежен, говорил коротко и резано.

Первая квиддичная тренировка Гарри, Флер и Рона проходила в выходные, и, хотя Флер уже не была новичком, она обнаружила, что тренировка ей понравилась, и, что более важно, командный дух. Она не владела теми навыками командной игры, которые могли продемонстрировать Кэти, Анджелина и Алисия, но капитан все же сказала, что Флер или Джинни будут великолепной заменой, если таковая понадобится. Команда была абсолютно готова к предстоящему чемпионату, когда ни одна из остальных не спешили начинать.

И, как обычно, Рон продолжал пытаться сблизиться с Гермионой, совершенно не обращая внимания на то, что она просто не интересуется им. Гермиона не хотела устраивать сцены, но чувствовалось, что он все-таки заставит её. Ситуация была весьма неприятной, и Гермиона не

была точно уверена, как Рон ответит — не очень хорошо, если она его вообще знала.

На уроке зелий в следующий понедельник Гарри решил не высовываться, работать над зельями и не навлекать на себя лишний раз гнев профессора. Хотя он был гораздо увереннее в своих способностях к зельеварению — частично из-за большей уверенности тех дней, частично из-за улучшившейся атмосферы в классе — он не был так уверен, что Снейп просто от него отстанет. Что бы ни произошло между ним и директором, избегание оставалось наилучшей стратегией.

В тот день, несмотря на показательное игнорирование от Снейпа, Гарри часто поднимал голову и находил застрявший на нем злобный взгляд профессора, подкреплённый его фирменной ухмылкой. Это действительно раздражало, но, хотя он предпочёл бы просто разозлиться на эту сальную летучую мышь, предостережения не давать врагам ничего, что могло бы его задержать, все ещё крутились в голове, и он решил не провоцировать конфликт.

К несчастью, Снейп был другого мнения на этот счёт. Урок закончился, и ученики уже собирали вещи и начинали выходить, когда раздался ненавистный голос.

— Поттер! Останьтесь после урока. Мне нужно кое-что с вами обсудить.

Гарри обменялся взглядом с Гермионой, которая шепнула, что она, Невилл и Рон подождут снаружи, прежде чем показать профессору своё согласие. Он сел за свою парту, наблюдая за выходящими студентами и игнорируя насмешку на лице Малфоя. Когда все вышли, он подождал, пока Снейп начнёт. Профессор казался несклонным начинать, он просто глазел на Гарри, показывая неприязнь и презрение. Гарри не было некомфортно — он отказался от неловкости — но он не собирался начинать самому, чтобы не дать Снейп лишний повод для раздачи наказаний.

Наконец Снейп встал и подошёл к Гарри.

— Итак, вы нашли необходимым пожаловаться на меня директору.

— Верно.

— Теперь, я полагаю, вы потребуете особого обращения с вами на моем уроке, такого же, какое вы получаете на других?

Гарри еле удержался от закатывания глаз.

— Нет, сэр. Я ожидаю, что со мной будут обращаться, как с любым другим студентом.

— Ваше высокомерие совершенно не знает границ, Поттер.

— Какое может быть высокомерие в желании, чтобы ко мне относились так же, как к любому другому?

Снейп ничего не сказал. Он всего лишь продолжал глядеть на Гарри, его ненависть и презрение по-прежнему были очевидны. Эти эмоции были единственными, которые Гарри с радостью вернул бы в равной мере.

— Я ничего не сделал, чтобы заслужить вашу ненависть, профессор, — продолжил Гарри, все ещё сдерживаясь. — Все, что я сделал — появился в первый день занятий. Тогда вы сразу, даже не попытавшись узнать, невзлюбили меня. Почему?

— Вы слишком похожи на своего отца, — выплюнул Снейп. — Он был ужасен в школе, всегда ходил так, как будто школа принадлежит ему.

— Очень похоже на одного блондина, — саркастически ответил Гарри.

— Не перебивайте меня! Мы говорим о вашем отце и ни о ком другом.

— Что, правда? — Гарри к этому времени уже не контролировал издевку в голосе. — Я думал, что мы говорим обо мне? Я спросил, почему вы ненавидите меня с самого начала, а вы распинаетесь о высокомерии моего отца, и о том как я на него похож, но даже не разобрались, прежде чем судить.

Глаза Снейпа сузились, и хотя Гарри знал, что он задел больное место, также он знал, что профессор этого никогда не признает. Однако он ничего не сказал и позволил Гарри продолжить.

— Боюсь, что я не узнаю насколько я на него похож, вы же знаете, что он умер! — рявкнул Гарри.

Хотя признавать, что его родителей с ним нет, всегда было больно, Гарри заставил себя быть откровенным с профессором.

— Я был слишком молод, чтобы знать своего отца, когда он умер. Так что, видите ли, профессор, любое сходство между мной и моим отцом — результат генетики и случайности — и ничего больше.

— Поверьте мне, Поттер, вы совсем как ваш заносчивый отец.

Поднявшись на ноги, Гарри остановил взгляд на Снейпе.

— Профессор, могу я говорить откровенно?

Поднятая бровь встретила вопрос. — А это не происходит прямо сейчас?

— Однако, я бы хотел выразить своё мнение, как вы, очевидно, это делаете. Никаких отработок, снятий баллов — мы с вами только проясним ситуацию.

Выглядевший заинтригованным, Снейп внимательно посмотрел на него.

— Очень хорошо. Все сказанное в этой комнате полностью закрыто для записи до дальнейших замечаний или пока вы не выйдете. У вас есть, что сказать?

— Да, сэр, — сказал Гарри, коротко кивнув. — Это может не быть для вас сюрпризом, я ненавижу вас так же, как и вы меня. Но там, где я вынужден показывать своё уважение вам

как профессору — которое вы нисколько не заслужили, я могу добавить, что вы можете принизить меня, и вести себя так, как будто я — нечто отвратительное, что вы стерли с подошв своих ботинок. Вы мерзкий, горький и презренный человек, у которого очень мало хороших качеств, и ваши способности как мастера зелий ни в коей мере не компенсируют вашего полного провала как профессора. Ваше поведение ужасно, и в мире маглов вы бы потеряли свое положение много лет назад. Вы недолюбливали меня из-за того, что произошло между вами и моим отцом еще до моего рождения, и вы ни разу не попытались посмотреть мимо моего сходства с моим отцом и увидеть того, кто я есть, а не того, кем вы думали, что я буду.

— Что вы продолжаете не понимать, так это то, что я не знаю, кем был мой отец как человек, и поэтому я с трудом могу подражать ему, хочу я этого или нет. Возможно, он был высокомерным парнем, как вы говорите. Возможно, он вел себя так, будто владеет школой и всем, что в ней есть. На самом деле, возможно, он вел себя так, как будто весь мир должен ему все на блюдечке с голубой каемочкой. Я не знаю. Могу сказать, что вряд ли он может быть хуже того маленького Чистокровного идиота, которого вы так стремитесь защитить, поэтому мне кажется, что помимо всего остального, вы лицемер, а также хулиган.

— Смысл в том, что с тех пор, как я пришел в эту школу, мне приходилось мириться с каждой мелочью, которая, как вы думали, вам может сойти с рук. Я не буду продолжать это делать. Так или иначе, такое ваше отношение ко мне прекратится, или я сделаю все, что в моих силах, чтобы увидеть, как вы потеряете свое драгоценное положение, и я ожидаю, что целое поколение студентов Гриффиндора, Хаффлпаффа и Рейвенкло будут восхвалять мое имя после того, как вы вылетите из этой школы в немилости!

После речи Гарри в комнате воцарилась тишина, и хотя он хотел бы её нарушить, он ещё хотел знать, что ответит Снейп. Оказалось, что его взрыв не нанёс урона — это не было похоже на что-то, что могло ещё сильнее навредить их отношениям. Фактически, профессор даже немного смягчился, и сейчас проницательно смотрел на Гарри.

— Я полагаю, незачем говорить о вашей храбрости, — наконец сказал Снейп.

— Я бы вообразил, что именно поэтому Шляпа отправила меня на Гриффиндор, — сухо ответил Гарри.

Он решил не касаться того, что он специально просил Шляпу не отправлять его в Слизерин. Гарри не имел ни малейшего понятия, как бы Снейп отреагировал на такую информацию. Пожалуй, радостные танцы по поводу того, что Шляпа не отправила его на Слизерин, были бы наиболее вероятной реакцией.

— Достаточно, — ответил Снейп.

Ещё несколько мгновений посмотрев на Гарри, Снейп огласил решение.

— Очень хорошо, Поттер. Пока на моем уроке вы не лезете в переделки и работа выполнена на должном уровне, я оставляю вас в покое. Согласны?

— Что насчёт Малфоя? — спросил Гарри.

— А что насчет него?

— Да ладно, профессор, вы же не слепой. Он насмехается надо мной и моими друзьями, пытается посадить нас в тюрьму и саботировать наши зелья, когда думает, что ему это сойдет с рук. Учитывая тот факт, что вы преподаете в этом классе, он думает, что может уйти от наказания, когда захочет. Я могу не высовываться и делать все возможное в классе, но я гарантирую, что если Малфой попытается что-нибудь сделать, то мой ответ не будет таким, как обычно. Я больше не позволю этому маленькому ублюдку напасть на любого из моих друзей.

— Вам крупно повезло: если бы разговор записывался, вы бы потеряли так тяжело заработанные мисс Грейнджер баллы.

— Почему я и попросил об этом. Вы же не думаете, что я был бы так откровенен, если бы не был точно уверен, что разговор не записывается? Я не настолько глуп.

Снейп фыркнул. — Хотя мне не хочется вам это говорить, это очень по-слизерински с вашей стороны, Поттер. Я поговорю с мистером Малфоем.

— Очень хорошо, профессор.

Кивнув, Гарри подобрал рюкзак и вышел из комнаты. Тот факт, что Снейп продолжал бурить его спину глазами не ускользнул от него.

— О чем вы говорили? — спросила Гермиона, когда Гарри присоединился к друзьям.

— Ни о чем особенном, — подмигнув, сообщил Гарри. — Только немного прояснили ситуацию с профессором.

- Ты с ним подрался? - с улыбкой спросил Рон.

Гермиона возвела глаза вверх.

- Возможно, тебе бы следовало это сделать, Рональд, если тебе захотелось получить отработку на оставшееся время в Хогвартсе.

- А это может стоить того, -заявил Невилл. - Это было бы хотя бы удовлетворительно.

Начав спускаться вниз по коридору, они рассмеялись.

- Я согласен с Невиллом, - сказал Гарри, - но я с ним не дрался. Надеюсь, в списке бед у нас на Снейпа меньше.

\*\*\*

К тому времени, как в тот же день пятикурсники дошли до класса Защиты, Гарри поделился со всеми своими друзьями историей своей беседы со Снейпом. Флер, в частности, казалось, была чрезвычайно довольна таким поворотом событий. Но несмотря на то, что слухи о том, что что-то произошло между Гарри и профессором зелий очень быстро распространились по всей школе, Гарри попросил тех, кто знал о сути противостояния, молчать об этом. Он не хотел,

чтобы Снейпу пришла в голову мысль, что он распространяет их личные дела на всех и вся — новое перемирие с профессором зелий было, по его ощущениям, слишком хрупким, чтобы относиться к нему легкомысленно.

Малфой, однако, выглядел растерянным. Очевидно, он подозревал, что что-то случилось, когда Гарри сказали остаться, но видеть, как Гарри смеется вместе со своими друзьями, а не слышать, как его обижают, было явно не тем, чего он ожидал. Выйдя из зала, Гарри заметил выражение недовольства на лице своего заклятого врага, которое еще усилилось, когда Гарри шутливо его поприветствовал. В тот момент Гарри понял, что он до сих пор не слышал, какой была реакция Малфоя на то, что ему назначено наказание, и что это никак не могло повеселить Малфоя-младшего. Гарри предположил, что Снейп сказал блондину, чтобы он смирился с условиями и держал рот закрытым, хотя Гарри был удивлён, что Малфой слушал, если бы это было так.

Хотя один из уроков в понедельник, похоже, изменился в лучшую сторону, другой ужасный урок, который, по иронии судьбы, был его любимым в предыдущие годы, несмотря на неспособность директора предоставить достойного профессора, все еще был способен разозлить Гарри.

Защита в тот день была такой же, как и на прошлой неделе. Амбридж по-прежнему требовала, чтобы они убирали свои палочки, входя в класс, и снова повторяла лекции прямо из текста учебника. По правде говоря, если бы предмет все еще не представлял некоторого интереса для Гарри, несмотря на не столь хороший учебник, он мог бы посчитать Защиту почти равной Истории магии в способности сделать ученика абсолютно невосприимчивым.

Что изменилось, однако — Амбридж полностью его игнорировала, даже когда он хотел что-то сказать, что происходило очень нечасто. Был уже конец урока, и когда Гарри поднял руку — и был проигнорирован — в третий раз, Амбридж вызвала Ханну Аббот, чтобы ответить на её вопрос. Гарри поднял бровь и посмотрел на Гермиону, повторившую его жест с собственным фырканьем.

— Выглядит так, как будто у кое-кого новая тактика, — прошептал Гарри.

— Похоже, так и есть, — ответила Гермиона.

Их короткий разговор, однако, привлек внимание профессора. Она посмотрела на него со своей лживой и раздражающей глупой улыбкой и спросила его высоким голосом:

— Вам есть, что сказать, мистер Поттер? Разве я не учила класс поднимать руки, когда вам есть что сказать? Возможно, вы хотели бы поделиться с классом тем, о чем вы и мисс Грейнджер говорили?

Гримасничая, Гарри ответил:

— Я просто указал на то, что еще не отвечал на вопрос на этом уроке, профессор.

— Ну, мистер Поттер, если бы я знала, что вы так хотите участвовать в уроке, я бы вызвала вас

раньше.

— Спасибо, профессор. Приятно знать, что я являюсь членом класса.

Амбридж подозрительно посмотрела на него, прежде чем снова появилась её тошнотворная сладкая улыбка.

— Действительно, мистер Поттер. Тем не менее, все еще стоит вопрос о том, что вы говорите вне очереди, и я боюсь, что вам и мисс Грейнджер придется отбывать наказание. Похоже, я должна доказать свою точку зрения, что хочу поддерживать дисциплину в этом классе.

Хотя он очень хотел ответить, Гарри, тем не менее, успокоился и молчал. Несомненно, это было частью плана — напасть на него, и хотя он не был уверен, что директор отменит эту отработку, он подумал, что, по крайней мере, было бы неплохо сообщить ему о том, что случилось.

— Очень хорошо, мистер Поттер. Похоже, вы можете контролировать свою проблемную природу, если вы так решите. Возможно, мы еще сможем сделать из вас настоящего волшебника.

Даже это не вызвало отклика Гарри — её мнение значило для него меньше, чем мнение флоббер-червя, в конце концов. Амбридж, похоже, немного разочаровалась в ее способности добиться от него ответа. Тем не менее, ее внезапные изменения мгновенно сделали его подозрительным.

— Вы будете отбывать наказание... — она затихла, стуча палочкой по подбородку. Гарри показалось, что это была фальшивая задумчивость.

Её лицо внезапно озарилось.

— Да, ваша отработка будет назначена в четверг, непосредственно перед ужином. — Она почти чихнула на Гарри. — Так как в тот день я уеду из Хогвартса по делам Визенгамота, вы отбудете свое наказание у профессора Снейпа, и я уверена, что у него есть что-нибудь... подходящее для вас обоих.

— Но это день суда над Сириусом! — Гарри вспыхнул, сразу догадавшись о сути действий женщины. — Я получил разрешение присутствовать вместе с профессором Дамблдором.

— Стоп, стоп, мистер Поттер, — умиротворяюще сказала Амбридж. — Мы не можем допустить, чтобы ученики, которым назначена отработка, покидали школу для явно ненужного путешествия — это нечестно по отношению к другим ученикам.

— Нечестно назначать наказание на день, который так много значит для меня, — сорвался Гарри в ответ.

— Возможно, одного дня для вас недостаточно, — ворковала Амбридж. — Вы и мисс Грейнджер будете отбывать с профессором Снейпом в четверг, а затем со мной в пятницу, субботу и воскресенье.

Гарри стал красным и был почти готов взорваться, но присутствие Гермионы рядом с ним в сочетании с рукой, которую она положила ему на плечо, напомнило ему о необходимости сохранять хладнокровие. Он посмотрел в сторону от Амбридж, позволив безэмоциональной маске спуститься ему на лицо, и до конца занятия игнорировал женщину — она тоже не вызывала его, хотя она и посмотрела самодовольно в его сторону несколько раз, прежде чем прозвенел колокол.

В конце урока Гарри засунул учебник в сумку и вышел из комнаты, едва заметив, что его друзья пытались поймать его, когда он шёл по залам Хогвартса.

— Гарри, подожди минутку! — закричала Гермиона.

Он чуть не столкнулся с ней, когда так внезапно остановился.

— Куда ты идешь? — спросила она, как только восстановила равновесие.

— Дамблдор, — был короткий ответ Гарри. — То, что она сделала, было нечестно — я не позволю ей уйти от ответа.

Обращаясь к Невиллу и Рону, которые поспешили догнать их, Гарри их отодвинул.

— Идите с Гермионой в Большой зал, я буду там, когда закончу разговор с директором.

Рон и Невилл кивнули, но Гермиона заупрямилась.

— Ни за что, Гарри. Тебе понадобится кто-нибудь, кто поддержит тебя — я тоже иду.

Тот факт, что Гарри чувствовал, что ему не нужна помощь директора, уступил место идее о комфорте, который, как он знал, принесет присутствие Гермионы. Он кратко кивнул ей перед тем, как повернуть и спуститься вниз по коридору, который вел к кабинету директора.

Как только они получили доступ в кабинет, они вошли, получив приподнятую бровь от пожилого директора.

— Я так понимаю, случилось что-то ещё? — он мягко начал разговор. — Это было рядовое происшествие, Гарри?

— Мне кажется нет, сэр, — ответил Гарри, криво ухмыльнувшись.

Дамблдор несколько мгновений взирал на Гарри.

— Я недавно проверял, и кроме вашей дискуссии с профессором Снейпом, ничего значительного в классе зельеварения не происходило. Я могу увериться, что текущая проблема с зельями ничего общего не имеет?

— Да, сэр, — сказал Гарри. — Был один инцидент на Защите, и Амбридж назначила мне несправедливое наказание, которое я хотел бы пересмотреть.

Кивнув, Дамблдор сказал: — Очень хорошо, продолжайте.

Осторожно, чтобы ничего не упустить, и дать директору развёрнутое объяснение произошедшего, Гарри повторил диалог с профессором Защиты. Это заняло только несколько минут, после чего Дамблдор откинулся в кресло и задумчиво обернулся к подросткам.

— К несчастью, Гарри, я ничего не могу поделать по поводу наказания: это прерогатива профессоров, как они учат и поддерживают дисциплину.

— Но, сэр, — воскликнула Гермиона, — это абсолютно нечестно, и вне пределов наказаний, которые могут быть назначены за перешептывание на уроке.

— Я не возражаю, мисс Грейнджер, — сказал Дамблдор, — Однако, технически, она была в своём праве. Но это не значит, что мы не можем изменить наказание.

Чувствуя какое-то облегчение от того, что по подтексту слов Дамблдора, ему не придётся пропускать суд над Сириусом, Гарри спросил: — Вы сказали про первую отработку. Вы можете что-нибудь сделать со другой?

— Это другое дело, — твердо сказал Дамблдор. - Хотя, возможно, ваши протесты можно было бы интерпретировать как ответную реакцию, если бы кто-то так решил, я считаю, что стресс, вызванный ситуацией, привел к тому, что вы ответили так. Поэтому мы вызовем профессора Амбридж и выслушаем ее объяснения, после чего я приму окончательное решение. В конце концов, я уверен, что в наших интересах, чтобы вы пока не отбывали наказание у профессора. Разве вы не согласны?

С улыбкой согласившись, Гарри смотрел, как директор подошёл к камину и кинул туда горсть Летучего пороха, вызывая кабинет профессора Защиты. Через мгновение, огненный портрет профессора Амбридж, выглядевший гораздо более нелепым, чем обычно, возник в языках пламени.

— А, профессор Амбридж, — поздоровался Дамблдор. — Не зайдёте ли в мой кабинет на минутку?

Мгновение спустя директор отступил от камина, чтобы позволить профессору пройти. Она сразу заметила, что студенты сидели лицом к столу и надела свою маску, хотя Гарри четко видел, что ей совсем не нравилось их видеть.

— Да, директор? Какая-то проблема? — она притворилась.

— Боюсь, что да, профессор, — ответил Дамблдор, когда вернулся к своему креслу. — Мистер Поттер пришёл сюда, чтобы апеллировать наказание, назначенное ему сегодня, и, чтобы изучить этот случай, я позвал вас, дабы узнать причины.

Глаза Амбридж сузились. — Я не знала, что должна оправдывать свои решения относительно студентов пятого курса.

— Вы, разумеется, не оправдываете студентов, — ответил директор школы. — Однако, в случае, если студент запускает апелляционный процесс, вы должны отчитаться передо мной за свои действия. Мистер Поттер сообщил мне свою версию того, что произошло на вашем уроке защиты, и теперь я должен выслушать ваши доводы, прежде чем выносить решение.

Тошнотворная сладкая улыбочка снова возникла на её лице.

— Ну конечно, директор. Я назначила наказание за посторонние разговоры на уроке. Я пыталась поддерживать дисциплину, а эти двое студентов говорили вне очереди.

— Да. Мистер Поттер признался, что он разговаривал в классе.

— Тогда почему мы ещё говорим?

— Потому что впоследствии вы назначили еще три дня, когда мистер Поттер протестовал, не говоря уже о том, что вы специально назначили первоначальное наказание в тот день, когда вы знали, что Гарри не будет в школе, чтобы присутствовать на суде над его крёстным отцом.

— Уверяю вас, я этого не делала, директор, и я возмущена этими двумя учениками, — слово было почти чихом, — подразумевающими обратное.

— И я уверяю вас, профессор, что я вполне способен установить правду сам без помощи мистера Поттера или мисс Грейнджер. У вас есть что добавить?

— Вовсе нет, директор. Я увидела нарушение правил в классе и отреагировала соответствующим образом. Что касается последующих наказаний мистера Поттера, я не потерплю дерзости в своем классе.

— Очень хорошо, — ответил Дамблдор. — Очевидно, что хотя я считаю, что ваше наказание за шепот в классе чрезмерно, я соглашусь с тем, что это ваше право — назначать наказания, которые вы сочтете нужными. Однако требование к мистеру Поттеру отбывать наказание в тот день, когда его крестный отец должен быть судим, и тем самым препятствование его присутствию является неоправданно жестоким. Поэтому мистер Поттер и мисс Грейнджер вместо этого отбудут свое наказание сегодня вечером вместе со своим деканом, а не с профессором Снейпом.

Было бы просто сказать, что Амбридж не было весело, но она вымученно улыбнулась.

— Хорошо, директор. Однако, я сегодня вечером свободна, так что мистер Поттер и мисс Грейнджер могут отбыть наказание со мной.

— Я решил, профессор Амбридж, и вы должны считаться с этим, — поспешно ответил Дамблдор.

— Что же до последующих наказаний, — он начал, когда профессор хотела вмешаться, — нет никаких оснований подтверждать их, в частности, учитывая, что предмет обсуждения для мистера Поттера крайне болезненная тема. Эти отработки отменяются.

— Это одна из причин, по которой меня сюда послали, — прошипела Амбридж. — Ваш непрерывный вопиющий фаворитизм по отношению к мистеру Поттеру должен немедленно прекратиться, директор!

— Или я буду вынуждена поговорить с министром по поводу вашей предвзятости, — беззаботно продолжила она.

Дамблдор сверкнул глазами, но ничего не ответил. Вместо этого он повернулся к Гарри.

— Мистер Поттер, мисс Грейнджер, мне кажется, мы поговорили о вашем деле. Хотите сказать что-нибудь еще?

— Нет, сэр, — ответил Гарри, взглянув на Гермиону. Что бы ни было сказано в дальнейшем разговоре, это явно не для их ушей.

— Хорошо, вы можете идти. Ваша отработка сегодня вечером в семь у профессора МакГонагалл. Я позабочусь, чтобы она об этом узнала.

Согласившись, двое подростков встали и покинули кабинет. Когда они вышли из-за горгульи, Гарри с улыбкой повернулся к Гермионе.

— Кажется, кто-то в большой беде, — пропел он.

— Гарри! — Гермиона ругалась, но на её лице была точно такая же улыбка. — Такое отношение сразу же нас выдаст!

Гарри покачал головой.

— Похоже, она действительно хочет назначить мне отработку. Надо быть крайне осторожными.

Гермиона согласилась, и они вместе направились в Большой зал.

\*\*\*

Как только дверь закрылась, Альбус позволил маске соскользнуть с его лица. Он остановил суровый взгляд на профессоре защиты, показав женщине все его отвращение к ней.

— Мадам Амбридж, должен ли я напомнить вам, что я директор этого заведения?

— Директор, уже переживший свой расцвет, — парировала Амбридж. Сопровождающая ухмылка могла заставить Снейпа позеленеть от зависти. — И обращайтесь ко мне 'Профессор Амбридж'.

Альбус только презрительно фыркнул. — На людях, когда у меня нет другого выбора. Наедине я не буду оказывать вам незаслуженную честь.

Пока ее ноздри трепетали от гнева, Альбус наблюдал, как она пыталась придумать стоящий ответ. В конце концов, он сказал правду, и очень немногим она могла это опровергнуть.

— Не пытайтесь меня запутать, мадам, продолжил Альбус, насладившись моментом. — Вы в этой школе не для того, чтобы улучшить качество образования или атмосферу или еще какие бы то ни было банальности, которые вы рассказываете широкой общественности. Вы здесь только чтобы попробовать отвлечь внимание от Гарри или дискредитировать меня, а все из-за вашего узкого мировоззрения или нелепых страхов министра, что я захочу сместить его. Вы должны напомнить ему, что я мог занять пост, сразу после отставки министра Багнольд. Но я тогда не хотел, сейчас не хочу, и мне на моем месте вполне хватает.

— Однако, я есть и буду оставаться директором этой школы, и я ответственен не только за ее работу, но и за рассмотрение апелляций. Как я сказал, мое решение остается в силе. На будущее, если вы захотите преподать урок за такое мелкое нарушение, снимите с провинившихся баллы. За то нарушение по поводу которого мистер Поттер и мисс Грейнджер пришли ко мне сегодня, обработка — слишком суровое наказание.

Хотя было очевидно, что Амбридж в бешенстве, она просто медленно кивнула.

— Хорошо, директор, но я должна предупредить, что если вы будете продолжать потворствовать разным бедокурам, таким как мистер Поттер, то очень скоро вы можете обнаружить себя смещенным со всех постов.

— Тогда и я вас предупрежу, продолжившиеся попытки нападения на мистера Поттера — а также любого другого студента — приведут к вашему отстранению, мадам. Учитывая, что ваша компетентность под подозрением — вы не выдержите уровень ТРИТОНа по защите! — не думаю, что кто-то кроме вашего драгоценного министра, станет протестовать против такого шага. Я понятно выражаюсь?

— Вполне.

Без лишних слов или взглядов, она вернулась в свой кабинет через камин, покинув задумавшегося Альбуса. Необходимость ее присутствия в Хогвартсе мешала, но на этот момент у него не было выбора, кроме как оставить ее. Возвращаясь к его словам, ему нужна была причина, чтобы заменить ее профессором по собственному выбору. У него был один на примете, но времена были неблагоприятные и он не был уверен, что есть действительная причина, чтобы ее выкинуть.

Альбус очень тревожился. Ему совершенно не нужно было вмешательство Жана-Себастьяна, которое наверняка произойдет, если Амбридж не удастся обуздать. Возможно, нужно было позволить Гарри отбывать наказание с Амбридж — разумеется, под тщательным контролем — чтобы узнать, чего она хочет. Он был не совсем уверен, что она собирается делать, но не хотел

запускать ее слишком далеко — может быть, у него появится способ убрать ее.

После нескольких мгновений раздумий Альбус испустил усталый вздох и поднялся с кресла. Закинув в рот лимонную дольку, он направился в Большой Зал, пока его мозг снова и снова обдумывал проблему.

\*\*\*

Придя на ужин, Гермиона села через стол от Гарри, ее мозг пережевывал вопросы, предоставленные уроками защиты в этом году.

В этом году уроки становились гораздо хуже, чем в любом из предыдущих, что говорило о многом, учитывая комедию ошибок, которой была защита во время ее учебы.

Как можно сдать СОВы с Амбридж у руля?

К сожалению, никаких ответов не приходило, независимо от ее желания каким-нибудь способом решить проблему.

Часть ее все еще предлагала пригласить компетентного взрослого человека в качестве репетитора, но засвидетельствовав методы преподавания Амбридж и настойчивые требования министерства не позволять студентам практиковать 'опасные и ненужные' заклинания, поняла, что эта идея не очень хороша.

И Дамблдор, похоже, верил, что Амбридж сейчас не совсем благоразумна, так что, что бы они ни затеяли, все надо делать в тайне.

Выкинув мысли из головы, чтобы вернуться к ним позже, Гермиона сконцентрировалась на том, о чем говорили ее друзья, только чтобы обнаружить, что ее мысли идентичны теме разговора. Очевидно, Гарри рассказывал Флер о конфликте на защите, о последующей встрече в кабинете директора, чтобы она немного успокоилась.

— Что мы собираемся делать с Амбридж? — услышала Гермиона вопрос Флер. — У меня ТРИТОН в этом году, и практику будет сдать довольно трудно, если не тренироваться.

— А у нас СОВ, — рассеянно жуя губу, сказала Гермиона.

— Это никак не соотносится с возвращением Того-кого-нельзя-называть, -добавил Рон, — с этой стороны, мы вообще не будем знать, как защитить себя.

— Мы ведь брали уроки у Муди этим летом, — возразил Невилл.

— Да, но мы не можем достаточно практиковаться, — ответил Рон.

Невилл молитвенно подержал руки, прежде чем вернуться к еде.

— Мы все знаем проблему, Рон, сказала Гермиона, — осталось только найти решение.

— Всем привет, — прервал их мечтательный голос.

Гермиона посмотрела вверх и увидела Луну, стоящую рядом с Гарри и рассеянно улыбающуюся. Гарри развернулся и, улыбнувшись Луне, подвинулся ближе к Флер. — Ты не присоединишься к нам, Луна? — спросил он.

Все еще улыбаясь, Луна села рядом с Гарри и поприветствовала остальных.

— Спасибо, Гарри. Это немного напрягает — быть единственной негриффиндоркой в нашей компании. Но рейвенкловцы очень меня не любят, поэтому я предпочту есть с тобой.

— Тогда рейвенкловцы — глупцы, Луна, — серьезно сказал Невилл с другой стороны. — Ты можешь присоединиться к нам в любое время.

Согласное бормотание послышалось ото всех. Хотя студент, сидящий за столом не своего факультета, не был чем-то обычным, все же это не было запрещено. Луна всем действительно нравилась и они считали ее другом, так что все были рады, что она присоединилась к компании.

— Нарглы сказали мне, что вы обсуждаете что-то интересное.

Было сложно, но Гермиона стойчески избегала закатывания глаз. Луна ей нравилась — действительно нравилась — но иногда сочетание ее причудливой натуры и странных существ хватало, чтобы свести ее с ума. В конце концов, они обсуждали серьезный вопрос.

— Мы пытались выяснить, что нам делать с Защитой, — сказал Гарри, — у нас в конце года важные экзамены, но если мы не будем практиковаться, мы их не сдадим.

— Мы еще должны больше учиться сражаться, как сказал профессор Муди, — вклинился Невилл.

— Почему бы вам не основать клуб по защите? — спросила Луна, наполняя свою тарелку.

Гермиона бессмысленно пялилась на Луну. — Клуб по защите?

— Да, любой у кого есть разрешение, может основать клуб. Я думаю, вы захотите скрывать ваш клуб от администрации. Это даст нам возможность выучить заклинания, которые нам нужны, и одновременно научиться лучше защищать себя.

— Амбридж это не понравится, — Гарри озвучил очевидную проблему.

— А кто сказал, что она узнает? — спросила Флер. — Если мы пригласим несколько конкретных человек, она никогда не узнает, что клуб существует.

— Это дает много возможностей, — сказала Гермиона, начиная восхищаться идеей, — Мы можем взять Гарри в качестве главы.

В одобрение предложения Гермионы не включился, однако, получатель ее благодушия.

Гарри удивленно моргнул и недоуменно посмотрел на Гермиону.

— Почему я?

— Ты лучший в защите, Гарри, — сказала Гермиона, решив, что простой ответ он может не понять. — У тебя выходят заклинания после первых же попыток и ты помогаешь другим сделать так же, что подразумевает талант обучения.

Гарри все ещё выглядел скептически. — Я не уверен, Гермиона. Если мы создадим клуб, мне кажется, лучше поставить руководить кого-нибудь из старших — у них больше опыта.

— Не смотри на меня, — возразила Флер. — Я могу справляться с собой, но Гермиона права — никто не сравнится с тобой ни по силе, ни по пониманию.

Пожатие плечами Гарри обозначило конец дискуссии, и, хотя Гермиона хотела продолжить обсуждение этого вопроса, по поведению Гарри чувствовала — сейчас не время. Он был очень упорным, и этот вопрос, похоже, был тем, на котором он заупрямится. Стоило завести этот разговор позже. А сейчас двум гриффиндорцам надлежало отправиться на отработку, поэтому они закончили ужин, попрощались с друзьями и пошли в направлении кабинета трансфигурации.

\*\*\*

День рождения Гермионы был на следующий день, и, так как день рождения Флер также был через несколько дней, было решено устроить один большой праздник в Гриффиндорской гостиной, пригласив также Луну.

Хотя Гермиона знала, что Гарри никогда не забывает про дни рожденья — у него их не было первые четыре года в Хогвартсе, то, что остальные тоже подключились, чтобы сделать ее праздник исключительным событием, глубоко ее тронуло.

Она была уверена, что Флер чувствовала то же самое, если ее улыбки и теплые слова направленные на Гарри могли быть признаками.

Они сидели в углу гостиной, пили сливочное пиво — закупками которого управляли близнецы — ели праздничный торт, о котором позаботился Добби.

Гермиона получила подарки почти от всех с кем была близко знакома, но ни один не был таким личным, как от Флер и Гарри.

Гарри купил ей набор персональных травильных инструментов для Рун, зная, как они ей нравятся. Каждый инструмент был изысканно изготовлен вручную и все лежали в красивом лакированном футляре вишневого дерева, с ее именем, окруженным тонкой филигранью вдоль правого нижнего угла. Гарри в шутку рассказал, что это благодарность за помощь в понимании Рун, когда она заметила, что у него есть какие-то способности.

Что касается Флер, то она подарила ей прекрасный французский браслет-амулет с несколькими формами. В частности, это было стилизованное изображение сердца с выгравированной надписью 'Toujours Amies'. Это был действительно мудрый подарок, побудивший Гермиону к обильным благодарениям, в процессе которых она заключила

француженку в крепкие объятия.

Флер также получала подарки, хотя, возможно, не так много, как было у Гермионы, без сомнения, в связи с тем, что она была известна в Гриффиндоре только с начала года. Тем не менее, все их друзья принесли подарки для Флер, хотя самым лучшим из них, несомненно, был изящно выполненный медальон из белого золота в форме сердца, который подарил ей Гарри. А сама Гермиона в ответ на подарок купила своей новой подруге пару дизайнерских джинсов, которые она однажды присмотрела, пока они ходили по магазинам.

Флер по-настоящему стала хорошим другом, и они стали очень близки. Гермиона также благодарна Флер за то, что она не подтолкнула ее принять предложенную ею договоренность в последний день летних каникул. Вместо этого, она, казалось, готова была позволить Гермионе рассмотреть это предложение самостоятельно, всегда имея возможность поговорить, если захочет.

Это был действительно лучший день рождения, который когда-либо был у Гермионы, и она не спала допоздна со всеми своими друзьями, разговаривая и смеясь, и на этот раз она позволила всем мыслям о домашнем задании и занятиях ускользнуть в пользу просто веселого времяпрепровождения со своими друзьями. Конечно, не повредило то, что она уже закончила все, что было запланировано на ту неделю.

По мере того, как ночь продолжалась, все больше ее друзей уходили, в конце концов оставив Гермиону наедине с Гарри, Флер и Роном. Что-то в том, как Рон вёл себя весь вечер — он был тише, чем обычно, наблюдая за ней пристально, — говорило Гермионе, что сегодня вечером он, наконец, решится и сообщит ей о своих намерениях. Гермиона не хотела причинять Рону вреда — это было последнее, чего она хотела — но и она приветствовала возможность исправить ситуацию.

Видимо, Флер заметила то же самое. Она посмотрела на Гермиону и подмигнула, когда оба мальчика разговаривали вместе, и была уверена, что они не смотрят. Затем она встала и стянула всех вместе.

— Мне кажется, пора идти спать, — предложила она.

Гарри улыбнулся и кивнул, поворачиваясь к Рону. — Пошли, Рон?.

— Это... Ну, я хочу сказать... эээ... — Рон бессвязно заикался, почти заставляя Флер и Гермиону хихикать. — Я хочу кое о чем... Да, кое о чем... спросить Гермиону, - рыжий наконец-то закончил, его щеки стали розовыми от смущения.

Наконец, это, казалось, пробило себе дорогу через постоянную забывчивость Гарри. Он хитро улыбался Рону. — О, ладно. Если я не увижу тебя до того, как пойду спать, хорошей ночи.

Рон пробормотал о своей согласии, в то время как Гарри и Флёр ушли вместе, расставшись у лестницы, чтобы подняться к своим комнатам.

Наедине с Роном Гермиона терпеливо ждала несколько минут, пока Рон наконец наберётся смелости и сделает свой ход. Тем не менее, Рон просто нервничал и смотрел на неё, как он, вероятно, думал, незаметно.

— Да, Рон? — Гермиона мягко подтолкнула. — О чем ты хотел меня спросить?

— Ммм... Да, — это был ответ Рона. — Знаешь... мы дружим уже несколько лет, и ты мне очень... эмм... Ты мне очень нравишься, Гермиона. И я подумал, какой день лучше... спросить девушку, которую ты... любишь... быть твоей девушкой... Какой день лучше, чем ее день рождения? — закончил он в спешке.

— Это мило, Рон, — сказала Гермиона. И это было — она не думала, что в нем это есть. Но независимо от того, каким джентльменом он пытался быть, Гермиона не поколебалась.

— Да, — сказал он с улыбкой. — Я подумал, что это хорошая идея, хотя к...

Он внезапно остановился и его щеки слегка порозовели. Гермиона понятия не имела, что он собирался сказать — это звучало так, как будто у него были какие-то советы из других источников. Несмотря на это, это не имело значения — если кто-то его ободрял, то он не видел истинной ситуации.

— Так что, теперь, когда ты моя девушка, я могу поцеловать тебя или что-то в этом роде?

Гермиона не успокоилась.

— Подожди, Рон! — вскрикнула она. Он смотрел на неё озадаченно, без сомнения, задаваясь вопросом, что он сделал не так.

— Извини, Рон, — продолжала она более мягко, — но, боюсь, мне придётся отказаться.

— Что? — спросил ошарашенный Рон, казалось, что он в шоке.

— Прости, Рон, — повторила Гермиона. — Я понимаю твои чувства, но мои не совпадают с твоими. Я вижу в тебе близкого друга, но не более того.

Несмотря на то, что его рот несколько мгновений двигался беззвучно, Гермиона заметила намек на покраснение, пронизывавший шею и уши Рона — верный признак того, что он сильно разозлился.

— Друг? Я вёл себя как джентльмен, пытаюсь узнать, что тебе нравится, как сделать тебя счастливой, поставив себя на кон, и вот как ты со мной обращаешься?

Гермиона вздохнула — она могла предсказать, что Рон так отреагирует.

— Рон, — сказала она очень мягко, — мне жаль, но я не могу вернуть твои чувства.

Челюсть Рона работала так, как будто он пытался контролировать свой гнев, но когда он, наконец, заговорил, его слова не имели большого смысла. — Этого не случится, знаешь ли. — Он почти выдавливал слова через зубы, он был так заметно расстроен.

Гермиона наклонила голову в сторону. — Извини, что?

— Гарри уже занят, Гермиона, но, похоже, у тебя все еще есть на него планы. Ты можешь отказаться от своих фантазий — у него нет возможности отказаться от контракта, так что он никогда не будет встречаться с тобой.

— Ты думаешь, я отказываю тебе из-за Гарри, — Гермиона медленно повторяла.

— Это очевидно. Я видел, как ты наблюдала за ним, знаешь ли. Нам с тобой очень хорошо вместе, Гермиона, и у тебя нет шансов с Гарри. Думаю, тебе стоит пойти со мной на свидание.

Гермиона воздержалась от упоминания о том, что она знала о возможности многократного брака, не говоря уже о том, что Флер уже пыталась заставить ее вступить в собственные отношения с Гарри. Это только ещё больше разозлило бы Рона и не позволило бы ему принять её отказ.

— О, Рон, причина, по которой я не хочу встречаться с тобой, не в Гарри, — твердо сказала Гермиона. — Я хорошо знаю о брачном контракте, и я знаю, что Гарри к нему привязан. Я не надеюсь, что Гарри будет встречаться со мной, когда у него уже есть Флер — Гарри слишком благородный человек, чтобы так изменять ей, и я бы тоже не стала так поступать с Флер.

— Тогда почему ты не хочешь встречаться со мной? Я не хуже Гарри, — его голос стал слегка скулящим.

— Я же говорила тебе, Рон, я не думаю, что мы совместимы. И тебе не стоит сравнивать себя с Гарри — это очень ясно показывает, что у тебя все еще есть некоторые проблемы с завистью к нему. Я не сравнивала тебя с Гарри, и ты тоже не должен.

— Я не завидую Гарри, — яростно отрицал Рон, его голос стал довольно громким.

— Рон, просто послушай меня, — умоляла Гермиона, наклонившись к нему поближе и понизив голос. — Я думаю, что многое из твоего поведения с Гарри, особенно после Турнира, было вызвано твоей завистью. Ты не должен завидовать ему — он не хочет славы, или чего-то, что с ней связано, понимаешь?

— Ты просто снова поднимаешь вопрос о турнире, не так ли? — сказал Рон. — Я уже сказал, что ошибался — чего еще ты хочешь?

— Я ничего не хочу, Рон — просто ответила Гермиона. — Это не я пострадала, когда ты назвал Гарри лжецом. Ты можешь думать, что это пустые слова, но я могу сказать тебе, что Гарри все еще не доверяет тебе полностью, как раньше. Ты никогда по-настоящему не обсуждал ситуацию и не извинялся перед ним, и я думаю, что вам обоим следует оставить все позади.

— Но... Но... Гарри сказал мне просто забыть об этом! — горячо сказал Рон.

— Но это же просто Гарри, Рон, — Гермиона вновь возразила, — ты же его знаешь. Он всё ещё переживает, хотя об этом и не говорит, и ты должен извиниться.

Рон прищурился. — Ты обсуждала эту тему за спиной у меня, с Гарри?

— Нет, Рон — отрезала Гермиона голосом, отбрасывающим все сомнения, — я знаю, что

чувствует Гарри, но он никогда мне об этом не говорил

— Ты меняешь тему.

— Я думаю, что лучше сказать, что я поменяла тему, но мне кажется, что это следует сказать, — произнесла Гермиона, добавляя голосу столько силы, сколько могла, — Несмотря на всё, мои чувства к друзьям — это моё личное дело и не предмет для обсуждения.

— Рон, — она мягко повторила, — мне жаль разочаровывать тебя, но у меня нет никаких чувств к тебе. Мы настолько разные — мы бы не подошли друг другу. Пожалуйста, прими это и давай останемся друзьями.

Что, что, а это Рон не собирался это оставлять вот так, на середине, и решил поинтересоваться: Что ты имеешь в виду, говоря, что мы не подходим друг другу? — Подумай об этом, Рон, — выпалила раздражённая Гермиона, — мы препираемся по малейшему поводу, имеем мало чего общего, да и вообще разные.

— Но все вокруг только и говорят, мы ссоримся как давно женатая пара.

Гермиона дернула головой.

— Они даже не знают о чём говорят. Настоящие прочные браки построены на любви и взаимоуважении, не на ссорах. Ты видел, чтобы твои родители, так же как и мы, постоянно ругались?

— Мама и папа спорят — в защиту бросил Рон.

— Ну, конечно же, у всех иногда бывают ссоры. Но эти стычки не определяют их отношения. Наши отношения это не те самые близкие, строящиеся на доверии. И если мы поссоримся сильно это скажется на наших отношениях, если мы начнём встречаться. В итоге мы бросим друг друга, и это убьёт всю нашу дружбу.

Увидев пустоту непонимания в его глазах, Гермиона всплеснула руками, — Рон, ты реально можешь представить нас как семью? Что ты будешь делать, когда, однажды придя домой, ты встретишь жену, которая хочет обсудить формулу по арифмантике, над которой она работала? И ты знаешь, как я отношусь к квиддичу. Ты точно хочешь жену, которой будет безразличен твой любимый вид спорта?

Мыслительный процесс отразился на лице Рона — впервые он задумался о словах Гермионы сильнее, чем обычно. Это было хоть какое-то продвижение, решила Гермиона.

— Всё равно, спасибо за предложение, Рон, но я не считаю наши отношения хорошей идеей. Я думаю нам лучше остаться друзьями.

Сказав это, Гермиона пожелала другу спокойной ночи и направилась к лестнице, ведущей в общежития. Она ненавидела причинять ему боль, но понимала, что это для его же блага.

Она поднималась по лестнице в общежитие пятикурсниц, когда увидела Флёр, сидящую на лестничной площадке и ждущую её прихода. В её глазах читалось искренне сочувствие.

— Он признался? — она обеспокоенно прошептала.

Гермиона кивнула, чувствуя, что слёзы стекают по её щекам.

— О, мон ами — сказала Флёр, обнимая Гермиону — Это был тяжелый разговор, но ты сделала всё правильно. Он же твой лучший друг, не так ли?

— Обычно, — сказала Гермиона, легко касаясь глаз, — он может быть придурком, но в конце концов он принимает мою сторону.

— Ну, если он настоящий друг, он примет твоё решение, каким бы оно ни было. А если нет...

Последняя мысль Флёр осталась неозвученной, но Гермиона в любом случае догадалась, что та собиралась сказать. Это не сделало разговор менее сложным, но Гермиона понимала, что старшая ведьма права.

— Спасибо, Флёр, но, кажется, мне лучше пойти спать.

— Спокойной ночи, — сказала Флёр, легко целуя её в обе щёки, и ушла в свою комнату.

Войдя в свою комнату Гермиона отметила про себя, что всё-таки день был хорошим. И, несмотря на его конец, она верила, что Рон переболеет ей. Это может занять некоторое время, но всё равно это произойдёт.

<http://tl.rulate.ru/book/50520/1263469>